Дата поступления рукописи в редакцию: 09.04.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 14.05.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-4-196-200

ГРИЦУК Александр Андреевич,
аспирант юридического факультета,
«Московский финансово-промышленный
университет «Синергия»,
e-mail: gritsalekc@yandex.ru

ИСКОВАЯ ДАВНОСТЬ ПО ТРЕБОВАНИЯМ О ВОЗМЕЩЕНИИ ВРЕДА: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ И ТЕНДЕНЦИИ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ

Аннотация. *В статье представлен комплексный анализ теоретических и практических проблем применения института исковой давности к деликтным обязательствам (обязательствам вследствие причинения вреда). В статье исследуется дуализм субъективного и объективного критериев при определении начала течения давностного срока, выявляя коллизии между принципами правовой определенности и необходимостью полного возмещения ущерба. Особое внимание уделено специфике исчисления сроков при возмещении вреда, причиненного преступлением, а также проблематике скрытых недостатков в подрядных отношениях, квалифицируемых как деликты. Детализирован процессуальный алгоритм применения давности в результате анализа судебных трендов 2024–2025 годов. Процессуальный алгоритм увязан в единую систему стадию заявления ходатайства, стандарт доказывания осведомленности истца, критерии недобросовестного поведения ответчика. Существует необходимость законодательных правок — прежде всего в части жесткой фиксации правил перерыва срока, наделения судов дискреционными полномочиями оценки уважительности причин его пропуска в связи с выявленными правоприменительными разрывами.*

Ключевые слова: *исковая давность, возмещение вреда, деликтные обязательства, срок исковой давности, начало течения срока, судебная практика, вред, причиненный преступлением, злоупотребление правом, объективный срок давности.*

GRITSUK A.A.,
Postgraduate student of the Faculty of Law
Moscow Financial and Industrial
University “Synergy”

STATUTE OF LIMITATIONS FOR CLAIMS FOR DAMAGES: PROBLEMS OF LAW ENFORCEMENT AND TRENDS IN JUDICIAL PRACTICE

Annotation. *The article analyzes the current problems of applying the statute of limitations to claims for damages (losses). It explores the theoretical and practical aspects of determining the starting point of the limitation period, including its application to claims arising from harm caused by a crime. Based on an analysis of current legislation, doctrinal approaches, and modern judicial practice, including court decisions from 2024–2025, the key trends in the development of this institution are identified. The author examines the correlation between subjective and objective criteria in calculating limitation periods, the problems of protecting victims from latent harm, and abuses by debtors. Special attention is paid to the impact of the reform of civil law obligations on the institute of damages, as well as the dialectical contradiction between the principles of legal certainty and justice in the context of tort liability. In conclusion, proposals are formulated to improve legal regulation and unify law enforcement practice in order to ensure a balance of interests of civil turnover participants and enhance legal certainty.*

Key words: *statute of limitations, compensation for harm, tort liability, limitation period, commencement of the limitation period, judicial practice, harm caused by a crime, abuse of rights, objective limitation period.*

Институт исковой давности занимает центральное место в системе гражданского права, выполняя двойственную, диалектически сложную функцию. С одной стороны, он служит фундаментальной цели стабилизации гражданского оборота. Правовая определенность требует, чтобы участники правоотношений не находились под вечной угрозой судебного преследования за события, имевшие место в далеком прошлом. Это дисциплинирует оборот и предотвращает ситуации, когда защита права становится невозможной из-за утраты доказательств или смерти свидетелей. С другой стороны, исковая давность выступает мощным стимулом для управомоченного лица (кредитора), побуждая его к своевременной и активной защите своих нарушенных прав, не допуская пренебрежения собственными интересами. Как справедливо отмечал классик российской цивилистики Г.Ф. Шершеневич, «давность не есть только потеря права, но и приобретение безопасности» [1].

Однако в сфере обязательств вследствие причинения вреда (деликтных обязательств) применение исковой давности сопряжено с наибольшими трудностями как этического, так и сугубо правового характера. В отличие от договорных отношений, где стороны заранее знают друг друга, осведомлены о сроках исполнения обязательств и находятся в правовой связи до момента нарушения, деликтные отношения возникают внезапно (ex delicto). Они зачастую носят скрытый, латентный характер, а личность причинителя вреда может оставаться неизвестной потерпевшему на протяжении длительного времени. В таких условиях жесткое, формальное применение сроков давности может привести к фактическому отказу в правосудии и невозможности восстановления нарушенных прав, что входит в прямое противоречие с конституционным принципом полного возмещения вреда.

Масштабная реформа гражданского законодательства, затронувшая в том числе главу 12 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), ввела новые правила исчисления сроков, включая так называемый «объективный» предельный десятилетний срок. Тем не менее, анализ правоприменительной практики арбитражных судов и судов общей юрисдикции за 2024–2025 годы показывает, что суды продолжают сталкиваться со сложными казусами, требующими нетривиального толкования норм права, балансируя между буквой закона и принципами справедливости. Целью настоящего исследования является выявление ключевых проблем применения исковой давности по делам о возмещении вреда в современных условиях и поиск путей их доктринального и законодательного решения.

Проблема определения начала течения срока: субъективный критерий в фокусе судебной практики

Согласно общему правилу, закрепленному в пункте 1 статьи 200 ГК РФ, течение срока исковой давности начинается со дня, когда лицо узнало или должно было узнать о нарушении своего права и о том, кто является надлежащим ответчиком по иску о защите этого права. Данная формула, сочетающая субъективный элемент (фактическое знание — «узнало») и объективированный стандарт поведения (должное знание — «должно было узнать»), является краеугольным камнем современного регулирования.

Основная проблема правоприменения заключается в толковании оценочной категории «должно было узнать». Законодатель не раскрывает этот критерий, оставляя его на усмотрение суда. Суды вынуждены в каждом конкретном деле конструировать абстрактную модель поведения «разумного и осмотрительного участника оборота», чтобы определить, мог ли истец при должной заботливости выявить вред раньше, чем он фактически это сделал. Если суд приходит к выводу, что мог, то срок давности исчисляется не с момента фактического обнаружения вреда, а с момента, когда это стало объективно возможным.

Особенно ярко и остро эта проблема проявляется в спорах, вытекающих из некачественного выполнения строительных, проектных и иных подрядных работ, где недостатки могут носить скрытый характер и проявляться спустя годы после формальной сдачи-приемки. В таких ситуациях суды все чаще встают на сторону потерпевшего, отказываясь от формального исчисления срока с момента подписания актов. Показательным примером служит Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 05.11.2024 по делу № А46-12041/2023. Фабула дела касалась недостатков проектно-сметной документации, которая была разработана и передана заказчику еще в 2018 году. Заказчик обнаружил недостатки только в 2022 году, в процессе эксплуатации объекта, а иск подал в 2023-м. Ответчик, ссылаясь на формальное истечение трехлетнего срока с момента передачи работ, настаивал на отказе в иске. Однако суд кассационной инстанции поддержал позицию нижестоящих судов, указав, что срок давности не пропущен. Ключевым аргументом стало то, что недостатки носили скрытый характер и не могли быть выявлены при обычной приемке документации непрофессионалом в момент передачи. Суд подчеркнул, что срок исковой давности нужно отсчитывать с момента, когда заказчик реально узнал о нарушении (в 2022 году), так как иное толкова-

ние лишало бы его права на судебную защиту и поощряло бы недобросовестное поведение подрядчика [2].

Этот подход коррелирует с доктринальным мнением В.А. Рясенцева, который еще в советский период указывал, что для начала течения давности необходимо наличие у потерпевшего реальной возможности для предъявления иска, что подразумевает знание о факте вреда, его размере и личности причинителя [3]. Современная практика, по сути, развивает этот тезис, вводя презумпцию добросовестности потерпевшего: пока не доказано, что он проявил явную небрежность в выявлении вреда, срок течет с момента фактического обнаружения.

В то же время, Верховный Суд РФ продолжает уточнять границы применения различных сроков, разграничивая гарантийные сроки и сроки исковой давности. Важным ориентиром стало Определение Верховного Суда РФ от 26.07.2025 № 306-ЭС25-1348 по делу № А65-17459/2021. Рассматривая спор о возмещении убытков за строительные дефекты, высшая инстанция разъяснила, что двухлетний срок, установленный статьей 477 ГК РФ, не является сроком исковой давности (пресекательным сроком для обращения в суд), а представляет собой период для выявления и предъявления претензии о недостатках товара. Сам же трехлетний срок исковой давности начинает течь с момента обнаружения недостатка в пределах этого двухлетнего (или иного гарантийного) срока [4]. Это разъяснение имеет фундаментальное значение, так как на практике суды нередко смешивали эти понятия, необоснованно отказывая в исках по истечении двух лет.

Специфика исчисления давности при возмещении вреда, причиненного преступлением

Деликтные обязательства, возникающие вследствие совершения преступления, обладают особой спецификой. Здесь гражданско-правовая ответственность тесно переплетена с публично-правовой (уголовно-процессуальной) деятельностью государства. Центральный вопрос, возникающий в практике: влияет ли ход расследования уголовного дела на течение срока исковой давности по гражданскому иску о возмещении вреда?

Долгое время существовала правовая неопределенность. С одной стороны, право на иск возникает в момент причинения вреда. С другой стороны, до установления виновного лица вступившим в законную силу приговором суда потерпевший часто не обладает достаточной информацией для подачи обоснованного гражданского иска, а презумпция невиновности препятствует окончательному утверждению о том, что именно данное лицо является причинителем вреда.

Актуальная судебная практика 2024–2025 годов демонстрирует устойчивый тренд на защиту интересов потерпевших в таких ситуациях. Суды признают, что пока вина причинителя вреда не установлена приговором, у потерпевшего могут отсутствовать объективные данные о надлежащем ответчике. Так, в Апелляционном определении Судебной коллегии по гражданским делам Санкт-Петербургского городского суда от 15.05.2024 по делу № 33-10462/2024 суд пришел к выводу, что само по себе возбуждение уголовного дела не запускает течение срока исковой давности. В мотивировочной части суд указал, что на этапе возбуждения дела и предварительного следствия истец не мог достоверно знать, какое именно лицо является причинителем вреда, так как вина устанавливается только приговором суда. Следовательно, срок исковой давности начинает течь лишь с момента вступления приговора в законную силу [5].

Такая позиция представляется единственно верной с точки зрения справедливости и логики права. Возложение на потерпевшего обязанности подавать гражданский иск «вслепую», до окончания расследования, лишь для соблюдения формальных сроков давности, привело бы к перегрузке судов необоснованными исками и массовому приостановлению производства по ним до разрешения уголовных дел (в порядке п. 4 ст. 61 ГПК РФ). Тем не менее, стоит отметить, что данное правило не является абсолютным: если личность причинителя вреда очевидна и не требует сложного доказывания в рамках уголовного процесса (например, при очевидном ДТП), суд может применить и общий порядок исчисления срока, не дожидаясь приговора.

Объективный (предельный) срок исковой давности и злоупотребление правом

Важной новеллой реформы гражданского законодательства стало введение в 2013 году в ГК РФ предельного десятилетнего срока исковой давности (пункт 2 статьи 196 ГК РФ), который исчисляется со дня нарушения права независимо от осведомленности потерпевшего. Этот срок называют «объективным», так как он не зависит от субъективного знания истца. Его цель – установить окончательную временную границу для любых требований, обеспечив глобальную правовую определенность («право на забвение» для гражданского оборота).

Практика 2024–2025 годов показывает, что суды применяют эту норму достаточно жестко, рассматривая её как абсолютное основание для

отказа в иске. Примером служит Постановление Второго арбитражного апелляционного суда от 20 сентября 2024 года № 02АП-3338/24. Суд, рассматривая спор, возникший из правоотношений более чем десятилетней давности, отказал в удовлетворении требований исключительно на основании истечения десятилетнего срока, установленного п. 2 ст. 196 ГК РФ, не входя в детальное обсуждение уважительности причин пропуска или момента осведомленности истца [6].

Однако применение объективного срока к деликтным требованиям вызывает серьезные дискуссии в научном сообществе. В ряде случаев вред может носить латентный характер (например, экологический ущерб, вред здоровью от длительного воздействия радиации или химикатов) и проявиться спустя десятилетия. Формальное применение закона в таких случаях оставляет потерпевшего без защиты, что выглядит несправедливо. Важно отметить, что законодатель предусмотрел гуманистические исключения. Согласно ст. 208 ГК РФ, исковая давность не распространяется на требования о защите личных неимущественных прав и других нематериальных благ, а также на требования о возмещении вреда, причиненного жизни или здоровью гражданина. Однако это не спасает в случаях причинения вреда имуществу.

Здесь на помощь приходит доктрина злоупотребления правом (ст. 10 ГК РФ). Если ответчик умышленно скрывал факт причинения вреда, создавая видимость благополучия, чтобы истек десятилетний срок, его ссылка на давность может быть признана злоупотреблением правом. Как указывал Д.Д. Гримм, «вменение последствий пропуска давностного срока в подобных условиях было бы противно справедливости» [7]. Современные суды, хотя и с осторожностью, начинают применять этот подход, отказывая недобросовестным ответчикам в применении исковой давности даже при формальном истечении предельного срока.

Процессуальные особенности применения исковой давности в современных реалиях

Вопросы применения исковой давности имеют материально-правовой и ярко выраженный процессуальный аспект. Судебная практика последних лет четко кристаллизует правила поведения сторон в процессе при заявлении о пропуске срока. Ошибки в тактике ведения процесса могут стоить стороне проигрыша дела, даже если материальное право на ее стороне.

Во-первых, суды неукоснительно следуют принципу диспозитивности: исковая давность применяется только по заявлению стороны в споре (п. 2 ст. 199 ГК РФ). Суд не имеет права применять ее по собственной инициативе, даже если пропуск срока очевиден из материалов дела. Это подтверждается Решением Благовещенского районного суда Республики Башкортостан от 28 апреля 2025 года по делу № 2-374/2025. Суд прямо указал, что поскольку ответчик не заявил о пропуске срока до вынесения решения, суд обязан рассмотреть спор по существу, исследуя все доказательства вины и размера вреда [8].

Во-вторых, заявление о пропуске срока является самостоятельным и достаточным основанием для отказа в иске, без исследования иных фактических обстоятельств дела (наличия вреда, вины, причинно-следственной связи). Это процессуальная экономия, позволяющая судам не тратить ресурсы на рассмотрение заведомо бесперспективных дел. Данный тезис наглядно иллюстрирует Решение Волжского районного суда Самарской области от 12 мая 2025 года по делу № 2-2727/2023, где суд отметил, что установление факта пропуска срока при наличии заявления ответчика освобождает суд от необходимости оценивать доводы истца по существу спора [9].

В-третьих, критически важным аспектом является распределение бремени доказывания. Согласно позиции Определения Верховного Суда РФ от 2 мая 2024 года по делу № А65-25939/2017, именно ответчик, заявляющий о пропуске срока, несет бремя доказывания обстоятельств, свидетельствующих о том, что истец узнал или должен был узнать о нарушении своего права ранее, чем утверждает. Если ответчик не представляет таких убедительных доказательств (например, переписки, актов, свидетельских показаний), все сомнения толкуются судом в пользу сохранения права на иск [10].

Заключение

Проведенный анализ теоретических конструкций и актуальной правоприменительной практики 2024–2025 годов позволяет сделать вывод о том, что институт исковой давности по требованиям о возмещении вреда находится в состоянии динамического развития. Суды постепенно отходят от жесткого формализма в пользу более гибкого подхода, ориентированного на фактические обстоятельства осведомленности потерпевшего («субъективный критерий») и принцип добросовестности.

Вместе с тем, в правовом регулировании сохраняется ряд системных проблем: отсутствие четких законодательных критериев «должного знания» о нарушении, что приводит к разрозненной судебной практике в разных регионах; сложности с применением предельного (объективного) срока давности в случаях латентного имуще-

ственного вреда; необходимость более четкого регулирования влияния уголовного судопроизводства на течение гражданской давности.

Для решения этих проблем представляется целесообразным: во-первых, закрепить на уровне разъяснений Верховного Суда РФ презумпцию неосведомленности потерпевшего о личности причинителя вреда до вступления в силу соответствующего процессуального акта правоохранительных органов. Во-вторых, развивать практику применения ст. 10 ГК РФ для блокирования заявлений о пропуске срока давности со стороны недобросовестных ответчиков, умышленно скрывавших вред. В-третьих, унифицировать подходы судов общей юрисдикции и арбитражных судов к стандартам доказывания момента начала течения срока. Реализация этих предложений позволит повысить эффективность защиты прав потерпевших от деликтов, сохранив при этом баланс интересов всех участников гражданского оборота.

Список литературы:

[1] Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. Т. 1. – М.: Статут, 2005. – С. 231

[2] Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 05.11.2024 по делу № А46-12041/2023

[3] Рясенцев В.А. Исковая давность. – М.: Юридическая литература, 1957. – С. 24

[4] Определение Верховного Суда РФ от 26.07.2025 № 306-ЭС25-1348 по делу № А65-17459/2021.

[5] Апелляционное определение Судебной коллегии по гражданским делам Санкт-Петербургского городского суда от 15.05.2024 по делу № 33-10462/2024

[6] Постановление Второго арбитражного апелляционного суда от 20 сентября 2024 года № 02АП-3338/24

[7] Гримм Д.Д. Лекции по догме римского права. – Пг.: Типография М.М. Стасюлевича, 1916. – С. 147

[8] Решение Благовещенского районного суда Республики Башкортостан от 28 апреля 2025 года по делу № 2-374/2025

[9] Решение Волжского районного суда Самарской области от 12 мая 2025 года по делу № 2-2727/2023

[10] Определение Верховного Суда РФ от 2 мая 2024 года по делу № А65-25939/2017

References:

[1] Shershenevich G.F. Textbook of Russian civil law. VOL. 1. - M.: Statute, 2005. - S. 231

[2] Ruling of the Arbitration Court of the West Siberian District dated 05.11.2024 in case No. A46-12041/2023

[3] Ryasentsev V.A. Legal prescription. - M.: Legal literature, 1957. - S. 24

[4] Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation of 26.07.2025 No. 306-EC25-1348 in case No. A65-17459/2021.

[5] Appellate ruling of the Judicial Collegium for Civil Cases of the St. Petersburg City Court of 15.05.2024 in case No. 33-10462/2024

[6] Decision of the Second Arbitration Court of Appeal of September 20, 2024 No. 02AP-3338/24

[7] Grimm D.D. Lectures on the dogma of Roman law. - Pg.: Printing house M.M. Stasyulevich, 1916. - S. 147

[8] Decision of the Blagoveshchensk District Court of the Republic of Bashkortostan dated April 28, 2025 in case No. 2-374/2025

[9] Decision of the Volzhsky District Court of the Samara Region of May 12, 2025 in case No. 2-2727/2023

[10] Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation of May 2, 2024 in case No. A65-25939/2017

